

ЭКСПРЕССИВНАЯ НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА АВТОРОМ И РАССКАЗЧИКОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»)

О. В. Аксенко

Аннотация. В статье анализируются слова, которые употребляются для номинации человека в романе «Прокляты и убиты». Утверждается, что экспрессивность обусловлена сугубо индивидуальной авторской картиной мира писателя В. Астафьева. Представляются особенности семантики лексем *зверь/зверина, выродок, тварь, ангел, брат, братья, братцы, братики, братья-солдаты, собратья, чада Божьи, исчадья Божии*. Сделан вывод о том, что лексем, которые автор и рассказчик выбирают, чтобы назвать героев повествования, получают дополнительные смысловые оттенки в тексте и являются экспрессемами.

Ключевые слова: художественный текст, экспрессивность, экспрессема, субъективация авторского повествования, категория интерпретируемости, Виктор Астафьев

EXPRESSIVE NOMINATION OF A PERSON BY AUTHOR AND NARRATOR: THE CASE OF V. ASTAFIEV'S NOVEL CURSED AND KILLED

O. V. Aksenko

Abstract. The article analyzes the words that the author and the narrator choose for the nomination of person in *Cursed and Killed* by Viktor Astafyev. In the context that Viktor Astafyev creates, it is possible to distinguish both the complicated lexical meaning of words *beast/animal, degenerate, creature, angel, brother, brothers, brothers-soldiers, Children of God, offspring of God* and the aesthetic increment of meaning (which in fact is the embodiment of expressiveness). It is concluded that the lexemes that the author and the narrator choose to name the characters of the narrative receive additional semantic shades in the text and can be named as *ekspressemas*.

Keywords: literary text, expressivity, *ekspressema*, the author's image, interpretability category, Viktor Astafyev

В применении к художественному тексту экспрессивность следует рассматривать как семантическую категорию, которая связана с категорией читателя и обладает функцией воздействия в том смысле, что позволяет обратить внимание читателя на этическую и эстетическую оценку писателем мира и человека и обеспечивает правильное понимание читателем того образа мира и образа человека, которые воплощаются в художественном тексте с помощью языковых средств.

Эмоционально-эстетическое приращение (которое по сути и есть воплощение экс-

прессивности) смысла, то есть переосмысление в художественном тексте актуальных смыслов лексем и формирование писателем таких значений слов, которые превращают денотативное пространство художественного текста в эмоциональное, — индивидуально-авторские механизмы воплощения категории экспрессивности в художественном тексте писателя.

В художественном тексте с помощью языковых средств, прежде всего именно экспрессивных, воплощается тот образ мира и образ человека, который создается автором и для восприятия которого, то есть для пра-

вильного понимания текста читателем, значим отбор языковых единиц. Правильное понимание художественной картины мира писателя требует выделить категорию интерпретируемости, связанную с глубиной текста, или с наличием подтекста.

Категория интерпретируемости — одна из специфических категорий художественного дискурса (наряду с лингвоцентричностью, внепрагматичностью, глубиной, ирреальной модальностью, субъективно-ориентированной нарративностью, неузуальной образностью), которые позволяют рассматривать художественный дискурс как внепрагматический эстетический феномен [11].

Художественный дискурс прежде всего ориентирован на эстетизированное и экспрессивное воспроизведение реальности: установка на эстетическое воспроизведение и пересоздание реальности воплощается в авторских символах, метафорах, эпитетах, а также их совокупностях [11].

Виктор Астафьев — писатель, творчество которого во многом определило литературную и культурную ситуацию второй половины XX века. Образ человека особенно важен для этого писателя и переосмысливается им в каждом художественном тексте. Слово *человек* и другие лексемы, которые автор и рассказчик выбирают, чтобы назвать героев повествования, получают дополнительные смысловые оттенки в художественном тексте Астафьева и являются экспрессивными лексическими единицами, или экспрессемами. Экспрессивные лексические средства следует понимать как лексические средства субъективации, эстетизации авторского повествования, а экспрессивность — как языковую (семантическую) категорию, которая в художественном тексте может превращаться в эстетическую.

Актуальный смысл слов в художественных текстах Астафьева дополняется и переосмысливается в соответствии с представлениями писателя о мире и человеке. Так, например, если в повествовании в рассказах «Царь-рыба» восприятие человека как зверя было представлено с присущей рассказчику

осторожностью, то в романе «Печальный детектив» автор утверждает, что каждый преступник — зверь, и даже допускает мысль о том, что звериное кроется в каждом человеке, у некоторых *даже в животе матери* [1]. Автор отказывается называть человеком того, кто может, не задумываясь, убить, и заменяет номинацию экспрессивно окрашенными лексемами (*арестант, бродяга, бабачного производства малый*) [8].

Роман «Прокляты и убиты» можно назвать монументальным по охвату тем, экспрессивность художественных образов достигает в романе, по нашему мнению, своего предела: рассказчик, а вместе с ним и автор открыто называют человека, не только преступника, — *тварью*^{*}, которая по своей жестокости и любви к крови превосходит любого зверя («командир же роты — зверь»).

* Значение лексемы **тварь** («как и всякая живая тварь»; «отпусти эту тварь на волю»; «но что она может вспоминать, эта холодная водяная тварь?»; «уползает, бежит всякая живая тварь, спасаясь от гнуса») («Царь-рыба»), «Урна — тварь злопамятная, мстительная» («Печальный детектив»)) осложняется в текстах В. Астафьева. Трансформация (дополнение и переосмысление писателем) смысла слова *тварь* оказывается возможным за счет ассоциативной параллели «тварь» / «живое существо вообще» [6]: «не зря сказывается: женищина — тварь Божья, за нее и суд, и кара особые» («Царь-рыба»). Именно авторская интенция формирует окказиональный смысл слова, который формируется в соответствии с картиной мира писателя. «Как и всякая живая тварь, там, где еда» («Царь-рыба») — в данном и подобных фрагментах под *тварью* подразумевается «всякое живое существо», «тварь Божья» («Кто его, зверя, знает, ребята, тварь Божья...») — «Царь-рыба»). Вульгарность бранного слова в контекстах, конструируемых В. Астафьевым, нейтрализуется благодаря тому, что в ассоциативном поле этого слова большим коммуникативным потенциалом обладает значение нейтральное (хотя и с пометой «старинное») значение «**живое существо вообще**». Следует обратить внимание на то, что лексемы *тварь* и *выродок*, близкие по значению в русском языке, оказываются контекстуальными антонимами в повествовании писателя (ср. общеязыковые значения: «ТВАРЬ, -и, ж. 2. Недостойный, подлый, злобный человек (прост. презр., также груб. бран.)»; «ВЫРОДОК, -дка, м. 2. Человек, к-рый выделяется среди других своими крайне отрицательными, отталкивающими качествами (разг. пренебр., также бран.)» [4]).

Многократно повторяются в тексте романа дериваты слова «зверь». Приведем некоторые из них: «Уж каких я зверей и самодуров ни видывал на войне да по тюрьмам и ссылкам, но этот...»; «многие в миру дьявола в себя запустили, до безверья дойдя, сами себе подписали приговор на вечные муки, и вот глядите, чем это кончилось, иначе и не могло кончиться, — страшной казармой, озверением»; «звереть дальше уж некуда»; «не укрыться человеку от поганства и зверства никакой тьмой, не отомолить никакой молитвой» («Прокляты и убиты»).

В каждом из этих фрагментов воплощается важный для писателя смысл: современный человек достиг предела в своем саморазрушении, дальше — смерть. Под озверением и зверством понимается то, что можно назвать абсолютным отсутствием человеческих качеств: безверие, безнравственность, азартность, озлобленность, желание убивать, насильничать — свойства тех, кого автор хочет называть не людьми, а только **зверем**. И это, несомненно, сознательный выбор номинации.

На войне, подчеркивает Астафьев, практически невозможно оставаться человеком, поэтому особенно эмоционально показано стремление некоторых героев не забыть в себе человека. Всех героев романа можно разделить на две категории: те, кто забыл в себе человека («Среди собак, как и среди людей, встречаются дармоеды, кусучие злодеи, пустобрехи, рвачи — дворянство здесь так искоренено и не было, оно приняло лишь комнатные виды»), и те, кто еще кается и пытается отомолить право на воспоминание. Расстрелянные братья Снегиревы не случайно названы *невинными ангелами-ребятами*, что указывает на ненейтральную позицию автора по отношению к звериному поведению многих людей на войне. Заметим, что словоупотреблений «ангел» в романе немного, однако именно данные контексты открыто демонстрируют точку зрения автора и позволяют определить его позицию. Герои романа, капитан Щусь и дед Финифатьев, даже спорят между собой о том, нужны ли

Богу отчаянные бойцы: «*Богу хорошие люди, тем более отчаянные бойцы, во как нужны!*»; «*Ему ангелы нужны, а не бойцы. Олега же не уродился ангелом, он — бес, правда, бес очень душевной*». В данных фрагментах лексема *ангелы* используется для номинации бойцов по-детски наивных, с добрым сердцем, которые были ранены или убиты.

Переосмысление автором в художественном тексте актуальных смыслов лексем закономерно приводит читателя к важной для понимания художественной картины мира Астафьева мысли о том, что разрушает не война, а человек, которого даже человеком назвать нельзя, поскольку он единственный среди всего живого на земле (среди зверей, птиц, рыб, насекомых) не сохранил своего первоначального, то есть такого, как сотворил Бог, облика, перестал трудиться, упростил мораль, изувечил, изнасиловал родную землю. Приведем развернутый фрагмент, ярко демонстрирующий значимые для автора смыслы и иллюстрирующий взаимосвязь трансформации семантики языковых единиц и категории экспрессивности в художественных текстах Астафьева: «...*подлый казарменный быт, повседневно унижающий и даже убивающий того, что послабей, размельчил людей, поднял наверх самое отвратительное, зверское, блудное, мелочное, и боялся, что там говорить, боялся: душу-то живую не убили ль? не погасило ли в ней быдловое существование свет добра, справедливости, достоинства, уважения к ближнему своему, к тому, что было, что есть в человеке от матери, от отца, от дома родного, от родины, России, наконец, заложено, передано, наследством завещано?*» («Прокляты и убиты»).

Обратимся к словарным дефинициям прилагательных *подлый*, *казарменный*: (ПОДЛЫЙ. Низкий в нравственном отношении, бесчестный [4]; ПОДЛЫЙ. 1. Низкий, бесчестный [6]; Подлый, бесчестный, гнусный, грязный, недобросовестный, низкий, низменный, позорный, лакейский, рабский, холопский [2]; КАЗАРМЕННЫЙ. 1. Прил.

к казарма [3]; КАЗАРМА, -ы, ж. 1. Специальное здание для размещения воинских частей. *К. для солдат. Не дом, а какая-то к.* (перен.: о скучном, казенного вида здании; разг.). 2. В России до революции: общежитие для рабочих. *Фабричные казармы. || прил. казарменный, -ая, -ое. К. режим.* [5]). Словарное значение прилагательного *подлый* соотносится с негативным фрагментом действительности и характеризует человека, в то время как лексема *казарменный* стилистически нейтральна. Однако благодаря авторской интенции лексема *казарменный* становится оценочной, указывает на неодобрительное, пренебрежительное отношение автора-рассказчика. Казарменный быт приравнивается к *быдловому* существованию, т. е. существованию подлому, бесчестному, безнравственному (БЫДЛО, *собир. Обл.* Рабочий скот. || *Прост. презр. и бран.* О людях, которые бессловесно и покорно выполняют на кого-л. тяжелую работу [3]).

Отметим значимое для художественной картины мира Астафьева совмещение жанров философского романа-эпопеи и хроники о войне. Повествование в романе «Прокляты и убиты» ведется от 3-го лица, однако композиционные возможности, которые используются писателем, позволяют ему объективно рассматривать описываемые события, сочетая субъективную и объективную точки зрения, точки зрения автора и рассказчика, что проявляется прежде всего в экспрессивной номинации человека как автором, так и рассказчиком. Писатель конструирует особую сказовую форму повествования — диалогизированный экспрессивный монолог повествующего типа.

Показательно и то, как маркируется в художественном тексте авторское отношение. Учитывая то, что писатель не готов называть каждого человека человеком, напротив, часто называет его *зверем, звериной, насильником, убийцей*, очень значимо то, что в романе оказывается возможным сопоставление ангела с обычным человеком, то есть с тем, кто умеет трудиться, любит ближнего своего, старается помнить и о Боге. Таким об-

разом, лексем *ангел* и *человек* в некоторых контекстах можно считать контекстуальными синонимами, причем одновременно реализуются как прямое, так и переносное значения слова *ангел*, отраженные в словарях (А́НГЕЛ [\ \ гр. *aggelos* вестник] — 1) в иудейской, христианской и мусульманской религиях — сверхъестественное существо, посланец Бога, изображаемый обычно крылатым юношей; 2) *человек как воплощение, олицетворение чего-л. положительного [3]; А́НГЕЛ. 1. В религиозном представлении: сверхъестественное существо, посланец бога (изображается обычно в виде крылатого юноши). 2. перен.: чего. Устар. Идеал, воплощение, олицетворение чего-л. положительного [6]; А́НГЕЛ. 2. Тот, кто вызывает чувство нежности, любви своей красотой или своими душевными свойствами (обычно о женщине, ребенке). 1) (устар.) — человек, воплощающий в себе кротость (чистоту, невинность, красоту) [5].

Аналогичные формулировки можно найти в словаре фразеологизмов Астафьева. Так, все фразеологические сочетания со словом *ангел*, даются с пометами *экспр., шутл., прост.*, что указывает на неклассическое использование лексем *ангел*. Приведем из словарной статьи с заголовочным словом *ангел* показательный пример фразеологизма, трансформированного Астафьевым: «*анделы над башкой закружились*». В данном контексте, на наш взгляд, также реализуются несколько значений лексем и совмещаются несколько точек зрения — героя-рассказчика и автора, что доказывает несомненную сложность сказового повествования, конструируемого писателем.

Внимания заслуживает также контекстуальная синонимия лексем *человек* и *брат*, которая обладает высоким экспрессивным потенциалом. Проанализируем некоторые примеры.

«*Ах, братья, братья! Ах, Снегири, Снегири!.. Ах...*», — в данном контексте реализуется значение «каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей» [6]. Братьев Снегиревых, приговоренных

к расстрелу и расстрелянных, автор называет то ребятишками, то мальчиками. Параллелизм, повторы и междометие «ах» указывают как на ненейтральное отношение автора к описываемой ситуации, так и на сопоставление тем детства и братства. В ХКМ автора важной оказывается идея не только о кровном братстве, но братстве солдат и всех людей.

В этом аспекте можно дополнить ранее сформулированные определения лексем *зверь/зверина*. По мнению писателя, к зверям относятся те, кого нельзя назвать человеком, это «*все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство*», и те, кто «*будут Богом прокляты и убиты*». Подчеркнем то, что в художественной картине мира писателя осложняется общеязыковое лексическое значение слов *человек* и *зверь*. Семная структура лексического значения языковых единиц трансформируется, реализуются такие значения слов, которые превращают денотативное пространство художественного текста в эмоционально-эстетическое, — именно поэтому так важно сопоставление героев со зверем и даже очеловечивание зверя. Многие персонажи оказываются хуже зверя: зверь живет по законам природы, а современные автору люди, которых нельзя назвать людьми, не помнят о своей связи с природой, не вспоминают о Боге, насиляют родную землю, убивают.

Обратим внимание на специфическое использование глагола с положительной коннотацией *сеять* в сочетании с существительными, заключающими в своей семантике отрицательную оценку явлений действительности: «*сеять смуту, войны и братоубийство*». Связь семантики глагола *сеять* с лексемами *земля* и *поле* также демонстрирует несправедливость, по мнению автора и рассказчика, пути, выбранного современником-зверем. Если в повествовании рассказов сборника «Царь-рыба» и в романе «Печальный детектив» убийства совершали только пьяные в беспомыслии, то в романе «Прокляты и убиты» свои убивают своих же. В ХКМ романа «Прокляты и убиты» на земле нет

места для тех, кто не может называться человеком.

Материалы словаря фразеологизмов Н. С. Уварова помогают продемонстрировать принципиальную целостность идиостиля Астафьева, неразрывность всех тем и мотивов, связанных с образом человека, природы, культуры. Кроме того, речь идет и о наличии единой для художественных произведений писателя особой сказовой манеры. Так, уже в повести «Последний поклон», где всю систему образов организует точка зрения идеального детства [9], используются фразеологические сочетания «чадо божье» и «исчадья божьи».

В доказательство гипотезы об особой сказовой манере повествования Астафьева приведем примеры помет, которыми снабжает Уваров данные единицы:

«○ **ЧАДО БОЖЬЕ.** О человеке, как существе, созданном богом и находящемся в полной его власти (о том, кто является воплощением положительных качеств и свойств).

□ **ЧАДО БОЖЬЕ.** ИФЕ.

◇ — Что из воды да по воде плавает — то бог дает! Терпи давай, терпи, чадо божье! — подбадривал меня дед <...> (“Карасиная погибель”).

□ **ИСЧАДЬЯ БОЖЬИ.** Жестокие люди.

ТФЕ. Контамин.: чадо божье + исчадие ада ‘о том, кто является воплощением самых отрицательных качеств и свойств (злости, жестокости, коварства и т. п.)’.

Игра: чадо ↔ исчадие (парон.).

◇ Но вспомнило, видать, солнце, что ему положено только работать. Это люди вон, исчадья божьи, нагрубят природе, избьют тайгу, рванут горы, превратят светлую реку в грязную лужу и давай спорить: хорошо сделали или плохо? Под шум, гвалт и ор еще какую-нибудь пакость сотворят (“Предчувствие ледохода”) [7, с. 250].

Исчадья Божьи — это трансформированная фразеологическая единица. Такая трансформация — важный художественный прием, позволяющий реализовать в художественном тексте категорию экспрессивности. Во фразеологической единице присутствует тематическая связь и с мотивом детства (корень

-чад- ↔ существительное *чадо* в устаревшем и ироничном значении «дитя, ребенок, сын или дочь» [5]), и с понятием природных, *Боговых*, законов. В приведенном примере люди названы исчадьями Божьими, потому что «окультуривали» *светлую реку*, превратив ее в *грязную лужу*. Ряд однородных глаголов с экспрессивной семантикой (*нагрубят, избьют, рванут*) также усиливает воздействие на читателя идейно-эмоционального содержания текста.

Следовательно, можно расширить данное нами ранее определение лексемы *человек* — это тот, кто творит зло, чья потребность — разрушать, бить, насиловать, убивать. При всей негативной оценке современного человека писателем можно говорить, однако, и о жизнеутверждающем пафосе художественной картины мира Астафьева. Обратим внимание на то, что писатель намеренно заменяет в исходной фразеологической единице *исчадья ада* зависимый компонент (*ада* ↔ *Божьи*), демонстрируя то, что зло исходит именно от самого человека, забывшего о Боге. Не случайно поэтому роман «Прокляты и убиты» завершается неоднозначными размышлениями о том, почему и как Бог смиляется над нашим противником, над немцами: «*Голодные, изнуренные, больные, накрытые облаком белых вшей, будут чужеземцы замерзать тысячами, терять и бросать раненых, их станут грызть одичавшие собаки, волки, крысы, и, наконец, Бог смиляется над ними: загнанные в пустынное, овражное пространство, остатки немецких дивизий подавят гусеницами танков, дотопчут в снегу конницами, расщепают, разнесут в клочья снарядами и минами преследующие их советские войска*» («Прокляты и убиты»).

Частотна в романе лексема *братоубийство*, значение которой не ограничивается только словарными «убийство своего брата, братьев (в 1 и 2 знач.)» [3]; «2. *высок.* уничтожение своих товарищей, близких, братьев по духу» [5]. В контекстах В. Астафьева у данной лексемы не реализуется помета «высок.». Это происходит потому, что осложняется актуальное значение лексемы

человек (ср.: «*это тот, кто убивает, вооружает, насилует*»): «*все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты*» («Прокляты и убиты»). Под *братоубийством* понимается высшая степень «окультуривания» человека, ставшего хуже любого зверя и поэтому не умеющего трудиться, любить, молиться.

В текстах Астафьева лексема *культура* приобретает яркую ироническую стилистическую окрашенность. *Культура* понимается как нечто примитивное, безвкусное, враждебное, однозначно отрицательное, что-то такое, от чего нужно защищать и ограждать. «*Окультуренный*» человек пользуется всеми достижениями человеческого общества в материальной, но не духовной жизни. «*Окультуривание*» — это разрушение, это причина озлобления человека, превращения его в *зверя/зверину*, который ищет выгоды и живет исключительно для собственного удовольствия.

Культура, цивилизация, варварство — контекстуальные синонимы в художественных текстах Астафьева.

Показывая злодеяния современников, Астафьев ассоциативно соотносит образы природы и культуры, демонстрируя настоящие причины человеческой злобы: «*Осиповское хлебное поле, разоренное, убитое, — как оно похоже сейчас на смутной охваченную отчизну свою, <...> потому как на крови, на слезах ничего не растет — хлебу нужны незапятнанные руки, любовно ухоженная земля, чистый снег, чистый дождь, чистая Божья молитва, даже слеза чистая*» («Прокляты и убиты»).

Обратим внимание на способ представления в этом фрагменте образа автора. С одной стороны, происходящее описывается с точки зрения рассказчика. С другой стороны, создается коммуникативный эффект непосредственного представления тех мыслей, которые важны именно для автора и которые обращены непосредственно к читателю: лексемы *братоубийство, расти* способствуют фиксации представления писателя о мире. Рассуждения основываются на эстетическом и этическом осмыслении того,

о чем повествуется. Так, *убитое* хлебное поле очеловечивается, сопоставляется с каждым убитым солдатом. Ассоциативно этот момент может быть связан читателем с первым братоубийством: «И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» [Ветхий Завет, Бытие 4: 8]. Ср. «Хлебу нужны незапятнанные руки» («Прокляты и убиты») // «И ныне прокляты от земли, которая отверзла уста принять кровь брата твоего от руки твоей» [Ветхий Завет, Бытие 4: 11].

Обратим внимание на то, что в толковом словаре дана помета «высок.» к значению лексемы *брат* «близкий товарищ по занятию, по роду деятельности». Помимо этого, писатель осложняет актуальное значение лексемы, поскольку дружеское обращение *братцы, братики, братья-солдаты* в романе предполагает также и отсылку к евангельской идее о том, что все люди — братья. То есть *брат* — это близкий, понимающий другого человек (напомним, что в ХКМ Астафьева человеком нельзя назвать того, кто ворует, убивает, насилует). *Собратья по службе, собратья по казарменному несчастью, собратья по фронту* даже не всегда понимают и тем более не помнят, что такими являются. Лексемы *братья/собратья* указывают на субъективную точку зрения автора и рассказчика (собратья 1. (1 и 2 л. ед. не употр.). О многих: соединиться в одном месте [5]; 4. *во что*. Расположиться близко друг к другу, сблизиться, составив, образовав что-л. единое [6]). Многие герои так обращаются друг к другу только в трудной ситуации, после того как посмотрят смерти в глаза. Но мало кто слышит призывы о помощи, практически никто не способен помогать **другому**, даже на войне, более того, мало кто считает себя братом другому. Этим и объясняется удивление рассказчика тому, что многих солдат одолевает зверское желание убивать своих же: «*И вообще за речкой обнаружилось: тех, кто жаждал воевать не с фашистом-врагом, а со своими братьями по фронту, гораздо больше, чем*

на противоположном берегу боеспособных людей» («Прокляты и убиты»).

Человек разучился любить, трудиться, молиться, плакать, каяться, и поэтому «*Господь отвернулся и от этих землю русскую населяющих людей, от земли этой, неизвестно почему и перед кем провинившейся*» («Прокляты и убиты»). Инверсия усиливает экспрессивность рассуждения, демонстрируя, с одной стороны, авторское осуждение, а с другой — закономерность движения к неизбежной гибели, потому что некому трудиться, некому любить, некому молиться, некому вспоминать свои грехи и просить милости: «*Но отсюда, с этого вот гибельного места, из-под огня и пуха до братства слишком далеко, не достать, милости не домогаться, потому как и молиться некому, да и не умеют*» («Прокляты и убиты»). Прилагательное *гибельный* привносит в лексему *братство* обобщающий смысл. Контекст описания актуализирует в этом слове сему ‘*окаянный*’, то есть обездоленный, несчастный, погибший духовно.

Представляется, что читатель ассоциативно может связать некоторые художественные образы Астафьева, особенно в поздних произведениях, с теми образами мира и человека, которые есть в Евангелии. В работе не ставится цель определить библейские мотивы в творчестве писателя, но необходимо указать на определенное сходство тех его взглядов, которые отразились в рассматриваемых художественных произведениях, и ключевых библейских идей. Предположение о том, что произведения могли создаваться с опорой на канонические книги, заключающие в себе слово Божье, то есть книги *богодуховенные*, привносит глубокий смысл в интерпретацию их читателем. Выделение библейских мотивов не является задачей статьи, однако необходимо отметить, что читатель сталкивается с тем, что особенно ярко (из анализируемых в работе текстов) библейские мотивы прослеживаются в романе «Прокляты и убиты».

Приведем один показательный пример. В Священном Писании говорится, что

«из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, — все это зло изнутри исходит и оскверняет человека» [Мк. 7: 21–23]. Фактически то же самое утверждается в романе «Прокляты и убиты».

Эта мысль оказывается центральной и во всем творчестве Астафьева. «Обезумевшие равнодушно-злые люди в ношеной военной форме, зла не утратившие доходяги, убийцы, обуянные неистовой злобой и совершающие служебные злодеяния и братоубийства, особенно зловещей ночью», — так называет рассказчик героев романа. Человек здесь называется автором *выродком из выродков, бездельником, убийцей, мясником, братоистребителем, богохульником*, забывшем о Боге, о земле, о труде. «Люби Бога! Люби ближнего своего! И трудись» [Быт. 2: 15], — большего Бог не требовал от человека, но земля скоро обогрилась кровью убитого человека: брат убил брата. Об этом же и роман «Прокляты и убиты»: об убийцах братьев своих, о реках крови на той земле, которую человек был создан возделывать, о потерянном человеком рае.

«Придите ко мне» [Мф. 11: 28], «покайтесь» [Мф. 4: 17], — говорит Христос. Показательно, что количество употреблений слов с ядерной семой 'каяться' невелико, таких контекстов в романе всего четыре:

1. *«А здесь вот ни тебе молитвы, ни тебе покаянья, воистину антихристово пристанище, бесовское ристалище».*

2. *«Всякий служивый старался спрятаться за спину сидящего товарища, всякий смиренно опускал, прятал глаза от Анисима Анисимовича, покаянно вспоминая, что он успел натворить в армии, сколько, чего и где стибрил».*

3. *«...вслух или уже во сне покаялся Феликс».*

4. *«Он напрягся и уже безо всякого чувства покаяния и боли вспомнил утопшего связиста».*

В двух фрагментах прямо говорится об отсутствии возможности покаяться, признать свои грехи (*ни покаянья, без покаяния*); в двух других также присутствует скрытое указание на то, что осознанное покаяние невероятно трудно для человека: гордость, безумное себялюбие мешают человеку признать себя грешником. Для понимания художественной картины мира писателя чрезвычайно существенна связь мотивов покаяния и памяти (*покаянно вспоминая*). «Помни последняя твоя и вовеки не согрешишь» [Сир. 7,39], «Господи, даждь ми память смертную» (молитва): если человек забывает о физической смерти, то умирает душевной. Эта мысль — одна из ключевых для Астафьева. Не случайно поэтому память — и груз, и подвиг, и путь к покаянию, то есть к спасению. Однако многие герои, описанные в романе «Прокляты и убиты», оказываются не готовы к воспоминаниям.

По мнению писателя, именно чувство причастности к природе, земле позволяет называть человека человеком. С точки зрения Астафьева, жизнь современного человека заключается в ежедневном насилии над душой, унижении добра, справедливости и достоинства, убийстве уважения, то есть образы жизни и войны ассоциативно связаны прежде всего мотивами насилия, разрушения и жестокости. Люди забыли о своем изначальном предназначении — трудиться, то есть созидать. Вместо этого почти каждый стремится жить в свое удовольствие, *культурно*, при этом забыв о нравственных ценностях.

Итак, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что общеязыковое значение ключевых лексических единиц трансформируется, то есть дополняется и переосмысливается, в художественном тексте Астафьева, поэтому можно выделить в контексте, который создает автор, как осложненное лексическое значение слов, так и эмоционально-эстетическое приращение смысла: реализуются такие значения слов, которые превращают денотативное пространство художественного текста в эмоционально-эстетическое. Лексемы, которые

автор и рассказчик выбирают, чтобы назвать героев повествования, получают дополнительные смысловые оттенки в тексте и являются экспрессемами, т. е. «составляющим художественного текста, обеспечивающим восприятие выразительно-изобразительных качеств эстетического языкового образования» [12], поскольку способствуют эмоцио-

нальному и/или эстетическому воздействию на читателя.

В романе «Прокляты и убиты» можно выделить экспрессивные авторские номинации человека: *зверь/зверина, выродок, тварь, ангел, брат, братья, братцы, братики, братья-солдаты, собратья, чада Божьи, исчадья Божии*.

ИСТОЧНИКИ

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 10. Прокляты и убиты. Красноярск: Офсет, 1997. 766 с.

СЛОВАРИ

2. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов: более 20 000 синонимов. 8-е изд. М.: АСТ, 2008. 672 с.

3. Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: Азбуковник, 2003. 783 с.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2003. 955 с.

5. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–2007.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.

7. Уваров Н. С. Фразеологизмы в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»: Словарь фразеологизмов. В 2-х ч. Ч. 2: П–Я. Куйбышев: Барабинская типография, 2010. 377 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Аксенко О. В. Особенности семантики лексем «культура» и «зверь» в художественных текстах В. П. Астафьева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2016. № 4 (38). С. 236–241.

9. Аксенко О. В., Сергеева Е. В. Особенности языкового воплощения образа детства в произведениях В. Астафьева (на материале повествования в рассказах «Царь-рыба» и романа «Печальный детектив») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2017. № 184. С. 114–123.

10. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2007. 1372 с.

11. Сергеева Е. В. Художественный дискурс как внепрагматический эстетический языковой феномен // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. С. 20–28. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-19.020>

12. Сергеева Е. В. Библиизм как экспрессема и способ организации лирического сюжета в русской поэзии XX века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 191. С. 104–109.

SOURCES

1. Astaf'ev V. P. Sbranie sochinenij: v 15 t. T. 10. Proklyaty i ubity. Krasnoyarsk: Ofset, 1997. 766 s.

DICTIONARIES

2. *Abramov N.* Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenij: okolo 5 000 sinonimicheskikh ryadov: bolee 20 000 sinonimov. 8-e izd. M.: AST, 2008. 672 s.
3. *Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V.* Novyj slovar' inostrannykh slov: 25 000 slov i slovosochetaniy. M.: Azbukovnik, 2003. 783 s.
4. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 4-e izd. M., 2003. 955 s.
5. Russkij semanticheskij slovar': tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij: v 6 t. / pod red. N. Yu. Shvedovoj. M.: Azbukovnik, 1998–2007.
6. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. 2-e izd. M.: Russkij yazyk, 1981–1984.
7. *Uvarov N. S.* Frazeologizmy v povesti V. P. Astaf'eva "Poslednij poklon": Slovar' frazoupotreblenij. V 2-kh ch. Ch. 2: P–Ya. Kujbyshev: Barabinskaya tipografiya, 2010. 377 s.

REFERENCES

8. *Aksenko O. V.* Osobennosti semantiki leksem "kul'tura" i "zver' " v khudozhestvennykh tekstakh V. P. Astaf'eva // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva. 2016. № 4 (38). S. 236–241.
9. *Aksenko O. V., Sergeeva E. V.* Osobennosti yazykovogo voploshcheniya obraza detstva v proizvedeniyakh V. Astaf'eva (na materiale povestvovaniya v rasskazakh "Tsar'-ryba" i romana "Pechal'nyj detektiv") // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2017. № 184. S. 114–123.
10. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. V russkom perevode s parallel'nymi mestami i prilozheniyami. M.: Rossijskoe biblejskoe obshchestvo, 2007. 1372 s.
11. *Sergeeva E. V.* Khudozhestvennyj diskurs kak vnepragmaticheskij esteticheskij yazykovoj fenomen // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2019. № 6. S. 20–28. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-19.020>
12. *Sergeeva E. V.* Bibleizm kak ekspressemata i sposob organizatsii liricheskogo syuzheta v russkoj poezii XX veka // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2019. № 191. S. 104–109.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

АКСЕНКО Ольга Викторовна — *Olga V. Aksenko*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

ORCID: [0009-0005-4365-0606](https://orcid.org/0009-0005-4365-0606), e-mail: o.v.aksenko@mail.ru

Соискатель ученой степени кандидата наук, учитель русского языка и литературы ГБОУ СОШ № 210.

Научный руководитель: Сергеева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена.

Поступила в редакцию: 1 мая 2023.

Прошла рецензирование: 13 июня 2023.

Принята к печати: 15 сентября 2023.